

В пасхальную ночь — эпизод 1 из 6

Широко рассеялось вблизи башкирских степей село Круглые Озера. Свыше четырех сотен домов накопило, паровой мельницей обзавелось, большую церковь «миром» поставило.

В глубокую даль отодвинулись времена, когда здесь бывали столкновения русских с башкирами.

Давно смешались люди одеждой, обычаями, языком, «обличьем», фамилиями.

Не разберешь, почему скуластый, с редкой подвеской черных прямых волос под подбородком зовется Кузьмой Лупанцевым, а рыжий, с широким окладом бороды, подсаистый крестьянин носит башкирское имя Садык Телакаев.

Телакаев только что сдал перевод по почте и теперь рассматривает маленькую витрину, закрытую сеткой, где выставлены недоставленные письма.

Остановился на одном с особым вниманием. Там мигающим почерком «наковырено»:

Станся Шумляк

Вилянський равион заззерски сильсавет

Получить Анни Петровни Тилятивай

Садык укоризненно качает головой.

— Ай-яй! Анна Петровна! Совсем не научила парня. Разобрать не могут его письмо.

Обращаясь к почтовику, говорит:

— Отдай мне. Завезу. Из нашего места парень. Ныне только в Красную Армию ушел. Матери пишет... Вдова она.

— Которое письмо? — спрашивает седенький, сухонький почтовик.

— Вот это, — тычет пальцем Садык через сетку витрины.

Почтовик выходит из-за загородки, открывает витрину и передает письмо.

— Свези, если знаешь.

— Как не знать. По соседству живет, и пашни наши сходятся.

Осторожно уложив письмо во внутренний карман, Садык укоряет почтовика:

— Все-таки разобрать можно, а вы его держите на выставке... Бюрократство это с вашей стороны.

— Из Академии наук надо человека, чтобы здешние письма разбирать, — дребезжит почтовик, — чисто все тут исперепутались, не разберешь, кто русский, кто башкирец.

— Перепутались и есть, — примирительно отзывается Садык. — Только вера разная, да хозяйство у каждого мало-мало осталось. И тому приходит конец.

— Это ты правильно, — поддакнул почтовик и с таинственным видом добавил: — Вчера в вашу сторону три трактора прошли. Чуешь, к чему?

— Видел я... у Куртугуза завязли... Когда еще вылезут...

— Вылезут! Будь без сомнения... С норовом этот народ... который с машинами-то в степь попер... От своего не отступит...

— Это же и у нас говорят... Помогают еще некоторые... Голь-то самая...

— Ему что, голому-то... Хуже не ждет...

— Да, — вздохнул Садык, — времена, я тебе скажу! Каждый день чего-нибудь да жди.

Почтовик не забыл, однако, укора в «бюрократстве» и неожиданно повернул разговор:

— Не все, видно, коту масленка, подходит и великий пост.

— Ты это к чему?

— А вот к тому... Кончил дело, отходи от окошечка, гражданин!

— Вон как заговорил! — удивился Садык и с обиженным видом направился к выходу. Уже в дверях вслух сказал:

— Я и говорю, — каждый день чего-нибудь да жди...

И все-таки такого случая еще не бывало в Круглых Озерах.

Козинский мужик Иван Саватеич привез со станции в страстную субботу каких-то городских...

Мало ли ездит... Только этих сразу заметили.

— Гляди, девки, с приданым городские приехали... Сватать, видно, которую... Не подгадь дело, покажи скатерки с кисточками! — кричит от пожарной

щуплый старичонка в сторону девиц, снимавших в соседнем дворе развешанное белье.

Но девиц приглашать не надо. Они уж и так выбежали за ворота с охапками снятого белья и глядели не столько на приезжих, сколько на их багаж: две деревянных и три железных шкатулки...

Ребятишки уж успели составить около плетенки живой крикливый полукруг.

«Бывалый человек» — сторож пожарницы начинает дипломатический подход.

— Не от Зингера будете? Иголочку к машине через вас доступить нельзя?

— Зингера, дед, запаху не осталось. Госшвеймашина теперь на том месте орудует... Свои у нас машины ноне, советские... на Подольском заводе изготовляют.

Старику не так уж много дела до Зингера, но не хочется терять репутацию бывалого человека, и он пытается взять под защиту этого самого Зингера.

— Как же это возможно, чтоб, значит, все машины без иголок оставить. Что-то вы неладно судите, гражданин.

— Ладно, дед, сужу. В самый раз, — ответил веселый парень. — Попользовались при царской власти американцы, а теперь им отставка. Хватит! Сами не хуже машины делаем.

— А как же, например, иголка? — не сдавался дед.

— Иголки тоже Госшвеймашина, какие надо, продает. Адресочка вот не могу тебе сейчас сказать. Не по этой мы части...

Такой поворот речи позволяет старику сделать другую догадку, но уже предположительно:

— Неуж землемеры будете?

— Не угадал, дед.

— То-то, я и думал, — не подходит будто: и одежда и обычай вроде не те. Так с чем же вы приехали?

— Кинокартины показывать в вашей деревне будем. Приходи вечером, увидишь.

— Шутишь все, а ты скажи по правде.

— По правде и говорю. Приходи вечером и увидишь «Светлый город» в своей деревне.

— Не деревня у нас, а село. Видишь, — вон церква-то. Хоть в город поставь. А мельница — махина! А ты деревня!

— Ну, село, так село. А такого все-таки тут не бывало. Да еще одну штуковину привезли... В городе запоют либо заиграют на музыке, а тебе слышно будет. Радио называется...

— Бескостный у тебя, гляжу, язык... Ровно овечий хвост мотается, а все зря. Таись, не таись, а всякому видно, что с товаром каким-то приехали, — обиделся старик и пригрозил: — Милиционеру, небось, покажешь!

— Всем покажу, когда время придет.

— И до времени покажешь! — продолжал угрожать старик. — Болтает окоlesiцу, а у самого целый воз товару!

На ворчанье и угрозы старика, однако, никто не обращает внимания. Подростки и молодежь, успевшие собраться большой толпой, одолевают приезжих вопросами: — Какие картины? Откуда привезли? Из самого Свердловска? Где показывать будут? Какая цена?

Среди подростков уже в большом избытке появились помощальщики и киноактивисты. Начались даже перекоры за право помогать.

— Давно ли против колективу говорил, а тоже лезешь!

— От тебя много активности в колхозе! Считать не сосчитаешь!

Какой-то бойкоглазый мальчонок, в малахае и бешмете, уж оказался верхом на лошади и, бросив с ходу: «Съезжу нето за председателем», — начал охаживать концом повода по бокам своей лошадечки.

— Завсегда Ванька Вемзоров вперед выскочит, — завистливо промолвил один из подростков.

— Первеющий втыкало во всяко место, — подтвердил другой.

А бойкоглазый парнишка между тем едва виднелся в конце длинной улицы. Зря старался. Приезжие уже видели председателя и теперь поджидали его вместе с группой колхозников.